Текст · 29 мая 2024, 14:51
Павел Васильев,

«За решеткой нас ограждают от иностранного влияния». Речь Олег Орлова в суде. Полная расшифровка

Замоскворецкий суд Москвы оставил в силе решение Минюста о признании «иностранным агентом» сопредседателя «Мемориала» Олега Орлова. Орлов участвовал в заседании по видеосвязи из сызранского СИЗО — в феврале 71-летнего правозащитника приговорили к 2,5 годам колонии из-за антивоенной статьи под заголовком «Им хотелось фашизма. Они его получили».

«Медиазона» публикует полную стенограмму сегодняшнего выступления Орлова, в котором он предлагает Минюсту — в полном соответствии с антиправовым духом закона об «иноагентах» — внести в пресловутый реестр всех граждан России, кроме тех, кто сидит в тюрьме.

Большое спасибо.

Уважаемый суд, по моему, все это достаточно смешно. Я говорю из тюрьмы, причем не из московской, а из сызранского следственного изолятора — из холодного подвала, куда меня достаточно неожиданно более месяца назад этапировали из Москвы. И сидеть мне в неволе еще более двух лет, это как минимум.

А я тут пытаюсь оспорить какое-то нелепое включение меня в не менее нелепый реестр «иностранных агентов». И вот у меня возникает

сомнение, Ваша честь. Вот разве не в правильном месте я нахожусь для «иностранного агента»? Разве не место «иностранному агенту», то бишь мне, именно в тюрьме, если этот самый «иностранный агент», то бишь я, позволяю себе требовать, чтобы в России соблюдалась российская Конституция, выступаю за осуществление гражданами нашей страны прав и свобод, гарантированных именно этим самым основным законом?

Вот эти сомнения меня тут в тюрьме посещают. Я действительно довольно внимательно изучил этот документ, на который представитель Минюста тут ссылается, а именно, возражения — вот они — на административное исковое заявление, подготовленное моим представителем.

В этом документе Минюст доказывает правильность включения Орлова О.П. в этот реестр и правильность моего дальнейшего там нахождения. Приводятся доводы, на которых я постараюсь подробно чуть дальше остановиться. Некоторые из доводов мы сегодня уже слышали. Но вначале я позволю себе высказать некоторые предположения. По-моему, на самом-то деле Минюст исходит из, с их точки зрения, не требующей никакого доказательства аксиомы. А именно: в нынешней России требовать соблюдения собственной Конституции можно, только находясь под иностранным влиянием, и уж тем более критиковать органы публичной власти, подвергать сомнению абсолютную благотворность любых решений этой власти для народа нашей великой Родины.

Именно так, на мой взгляд, Минюст считает. Именно из этой аксиомы он исходит. Но, тем не менее, несмотря на эту аксиому, Минюст привел в своих возражениях кое-какие аргументы. Ибо, несмотря на упомянутую мной аксиому, совсем не приводить аргументы было бы слишком даже для нашего Минюста.

Что же это ведомство привело в качестве доказательства того, что я занимаюсь политической деятельностью? Тут уже говорили о том, что для того, чтобы попасть в реестр «иностранных агентов», мало того, что надо находиться под иностранным влиянием, но надо еще заниматься политической деятельностью, в том числе, в форме «*распространения с использованием современных информационных технологий мнений о принимаемых органами публичной власти решений [касающихся] проводимой ими политики*».

Так вот, что же Минюст в качестве доказательств политической деятельности приводит? Как уже тут говорилось, он ссылается на то, что я являюсь сопредседателем Центра защиты прав человека «Мемориал» — и я очень хорошо понимаю логику чиновников Минюста.

Действительно, по нынешним временам, российским временам, уже само сочетание «защита прав человека» выглядит как что-то сугубо политически-оппозиционное, крамольное, подрывающие устои и стабильность власти. Минюст ссылается на то, что я вдобавок к этому являюсь еще и членом правления фонда «Общественный вердикт». Хочу напомнить, чем занимается этот

фонд. [Он] занимается защитой людей, в том числе и заключенных — что в моем положении довольно важно — от незаконного насилия силовиков разного сорта.

Опять же, я очень хорошо понимаю позицию чиновников Минюста, подобная деятельность представляется им в нынешней России, когда именно силовики правят бал по всей стране, абсолютно неуместной. Далее Минюст приводит в качестве доказательства моей политической деятельности мои интервью, комментарии средствам массовой информации, в которых я говорю — действительно говорю — все, что я думаю об этих самых органах публичной власти в нашей стране и проводимой ими политике.

Ну и что же делать, если антиконституционный, антиправовой закон относит к политической деятельности любую публичную оценку деятельности этой самой власти[1]? Казалось бы, мне и возразить-то нечего Минюсту. Однако, уважаемый суд, хотел бы обратить ваше внимание: я сейчас нахожусь в тюрьме — вот, решетку вы видите. Конечно, то, что я нахожусь в тюрьме, ничуть не изменило ни мою позицию, не добавило мне ни на грамм уважения и любви к нынешней российской власти. Но теперь отсюда, из-за решетки, из-за колючки, из-за стены я вряд ли могу руководить общественными организациями. Вряд ли отсюда могу говорить с журналистами.

Я бы очень хотел с ними поговорить, есть много чего сказать — но вот стены, решетки не позволяют. И вот вопрос, как отсюда я могу осуществлять

политическую деятельность? Я думаю, что Минюст на это возразит: вот мое сейчас выступление в этом суде тоже является политической деятельностью. Тогда что получается, мне вообще Минюсту нечего возразить?

Наверное, мне не остается ничего другого, как вернуться к обсуждению так называемого иностранного влияния. И тут Минюст тоже приводит кое-какие аргументы в пользу наличия такого влияния. Впрочем, сотрудники этого ведомства совсем себя не утруждают и в качестве доказательства влияния на меня приводят те же самые публикации, о которых я выше говорил. Правда, теперь они ссылаются на то, что все эти СМИ признаны «иностранными агентами», а журналисты, которые готовили эти публикации, тоже включены в этот пресловутый реестр «иностранных агентов».

«Ну и что же делать?» — я сам себе возражу. Что ж поделать, если в нынешней России почти все честные независимые СМИ, за небольшим исключением, признаны «иностранными агентами»? А все больше честных и независимых журналистов включают в этот реестр.

Минюст приводит в качестве доказательства иностранного влияния мое взаимодействие с друзьями, коллегами, правозащитниками, так же нелепо, как и я, включенными в этот нелепый реестр «иностранных агентов». Ну, что получается? Ну хорошо, председатель Минюста сказал, что если я посижу за чаем со своим другом Светланой Алексеевной Ганнушкиной в Москве (заметим, в Москве, а не в Париже и не в Лондоне), то это

не будет считаться иностранным влиянием. Ну, хорошо, не за чаем, за кофе посидел или за бокалом вина с российским правозащитником Светланой Алексеевной Ганнушкиной — и обсудил с ней рабочие вопросы. Что это — иностранное влияние? Ну да, согласно этому закону — это иностранное влияние, таков этот антиправовой закон[2]. Так что же, мне нечего возразить?

Тогда, ваша честь, я снова позволю себе напомнить, где я нахожусь. За тюремными стенами, решетками, колючкой. Неужели и теперь, сейчас, здесь я не огражден от этого тлетворного иностранного влияния? По- моему, сомневаться в этом даже как-то оскорбительно для Федеральной службы исполнения наказаний, в чьих руках я сейчас нахожусь. И не является ли сам этот факт моего нахождения, где я сейчас нахожусь, основанием для исключения меня из реестра иностранных агентов? Ну, хотя бы на то время, пока я тут? Выйду я отсюда, меня можно назад включить.

Мне кажется, что если правоприменительная практика антиправового, антиконституционного федерального закона «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием», соответствовала бы хотя бы элементарной логике, так бы и было.

Вот посадили человека за решетку или колючку — его убирают из этого реестра. Вышел на свободу — снова туда извольте, в этот реестр. Более того, очевидно, что следовало бы такую практику распространить на более широкий круг людей. Пожалуй, я бы предложил на все население России. Ведь россияне так или

иначе, нередко в компании больше трех поминают эту самую публичную власть. На русском языке, чаще на матерном русском языке. Вот вам и политическая деятельность, ваша честь.

А уж иностранное-то влияние — оно повсеместно. Слушайте, ведь абсолютное большинство россиян покупают джинсы иностранного производства, ходят с телефонами иностранного производства, машины покупают иностранного производства. Это вам не кофе и не чай попить с «иноагентом»! Это, знаете ли, действительно серьезное иностранное влияние. Именно поэтому, мне кажется, что эта практика — включение всех в этот реестр (только за исключением тех, кто находится за решеткой, потому что за решеткой нас ограждают от иностранного влияния) — была бы логична и правильна, если исходить из этого самого антиправового закона.

Ваша честь, и начать эту практику я бы предложил сегодня. Вот вам сегодня по итогам этого заседания меня, поскольку я здесь — исключить из этого реестра. А может быть, начать подряд включать в него всех остальных?

И, завершая свое выступление, я уже с полной серьезностью скажу, что полностью согласен со всеми доводами, приведенными в административном исковом заявлении, подготовленном моим представителем. Если исходить из норм права или хотя бы правил элементарной формальной логики, я должен был бы быть исключен из реестра иностранных людей. Впрочем, с точки зрения права само существование этого реестра, безусловно, должно быть прекращено. По-моему,

любому человеку, хоть чуть-чуть понимающего что-то в праве, это должно быть очевидно.

Редактор: Дмитрий Ткачев

---

1. Определение «политической деятельности» дано в статье 4 федерального закона N 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием». В частности, таковой названа деятельность в области «законодательного регулирования прав и свобод человека и гражданина в целях оказания влияния на выработку и реализацию государственной политики».
2. Статья закона №255-ФЗ определяет иностранное влияние, в том числе, как «оказание воздействия на лицо, в том числе путем принуждения, убеждения и (или) иными способами».